

3.2 ПИСАТЕЛЮ — О ПИСАТЕЛЕ

— Всё очень просто, — начала Сэт, будто не замечая его тона, — Я давний поклонник вашего творчества. Правда, наслаждаться им получалось примерно до середины 2000х, пока не стал очевиден нарастающий переворот вашей духовной личности, завершившийся полным ее крушением. Но, как говорится, некоторые чувства не ржавеют, поэтому я не могла упустить шанса поболтать с вами, раз уж мы оба оказались в этих краях...

— Переворот моей духовной личности, говорите? — хмыкнул Виктор.

— Ну да! — подхватила Сэт с той радостной поспешностью, которая выдает мыслителя, только что прервавшего плодотворное, но затянувшееся одиночество. — «Вести из Непала», «Антологию детства», «Нику» написал Виктор, с которым можно было подружиться. Правда, тогда же появляется и «Жизнь насекомых», но это был лишь первый звоночек, набросок пока еще ненаписанного автопортрета. Потом «Чапаев и Пустота» — один из самых моих любимых; там много настоящей честной пустоты — как с большой, так и с маленькой буквы. Правда, после этого романа вы пережили несколько запутанных, сложных лет — чего стоит один «Generation «П»... Но в целом 90е годы были вашим лучшим временем, потому что тогда вы еще надеялись на *Встречу*.

К сожалению, Вселенная не оправдала ваших надежд: пустыня, в которую вас забрасывал очередной *trip*, оставалась пустой и холодной, хотя все тайные книги наперебой распевали о том, насколько щедра она со своими любимцами. Получается, пустыня молчала именно для вас, предлагая в попутчиков только насекомых, орков да «человеческих обезьян». А вам нужен был именно *равный* или *равная*. И тогда вы написали «Священную книгу оборотня». Это примечательное произведение,

но не потому, что «про любовь», как принято считать. Весь роман — шаманство в духе трансерфинга реальности, когда через внешнее намерение автор пытается соткать из вселенского тумана то, что до сих пор не встретил во плоти. Тем не менее у вас хватило великодушия и веры, чтобы отпустить свое сверхсоздание на волю. Но в отрывшуюся дверь вы сами войти не смогли, потому что еще до ухода А Хули Александр начал вырождаться в Павла Ивановича...

— Причем тут Павел Иванович? — сухо поинтересовался Виктор.

— Об этом чуть позже, — беззаботно отрезала Сэт и продолжила: — По моей оценке, переворот случился сразу после «Священной книги оборотня». Неудивительно, что именно с этой поры в ваших творениях начала разрастаться, как ряска в болоте, бесконечная словесная муть; из-за нее я — со всё бóльшим внутренним сопротивлением — смогла прочесть лишь «Empire V», «S.N.U.F.F.», «Бэтман Аполло» и «Любовь к трем цукербринам». Последний роман показался мне самым интересным с философской точки зрения, но этически и эстетически он стоял на пределе допустимых значений, поэтому то, что вы написали после него, я не открывала сознательно — чтобы не расстраиваться. Возможно, широкая публика изменение «вкуса» ваших книг сразу не почувствовала, но со временем и ее замутило¹.

Другими словами, вы, конечно, пловец высочайшего класса, но с определенного времени ваш поток стал слишком мутным. Я знаю человека, который по сравнению с вами плавает из рук вон плохо. Можно даже сказать, что он не умеет плавать вообще — поток тащит его, иногда подтапливает, обдирает о каменистое дно локти и колени. Но вода в его реке очень чистая, прозрачная и вкусная — именно такую и называют зо-

¹ См. хотя бы рецензии Дмитрия Быкова, который серьезную литературу понимает так же глубоко, как гастроэнтеролог — сны мотылька, но тем не менее тенденцию уловил.

лотым сердцем. И только в той воде заводятся русалки и рыбы...

На этих словах Сэт засмеялась, и тембр ее голоса на мгновение сбился на очень низкий, почти мужской, но потом выровнялся.

— Чтобы вам стало еще веселее, могу подкинуть одну мыслишку, — мрачно заметил Виктор, — *Временный рост мандавошки равен высоте объекта, на который она гадит, плюс 0,2 миллиметра.*

— У вас есть все основания для подозрений! — согласилась Сэт, ничуть не растеряв веселого расположения духа, — Но предлагаю придерживаться окончательный вердикт до конца нашей беседы. Возможно, мои мотивы не так низки...

— Не помню, чтобы я заказывал у вас критический обзор моего творчества, — сухо заметил Виктор.

— Ну и что? — невозмутимо возразила Сэт. — Вы заслуживаете не того, что просите, а того, что вам нужно. Ведь таких, как вы, на свете очень мало. Подобные люди особенно прекрасны в ранние годы, когда еще не так уверены в собственных силах и в собственном одиночестве, а потому полны humility¹, которая одна залог приближения к истине. Но идут годы, человек ставит вопросы, а ответов всё нет; а если и приходят, то в совершенно издевательской форме, вроде фильмов режиссера Виктора Гинзбурга или фан-сайта <http://pelevin.pov.ru>. Тишина постепенно убеждает писателя в том, что на самом деле никто не понимает ни его силы, ни его слабости — и он перестает стесняться.

— Стесняться кого?

— Зрителей — и в хорошо освещенном партере, и во вроде бы пустых темных ложах. Постепенно жесты и гримасы народного кумира становятся всё неприличнее, сценический костюм приходит во всё более оскорбительный беспорядок...

¹ *англ.* — смирение, сдержанность, простота

Но обычные зрители не сразу осмеливаются признать, что их недавний любимец утратил свой фирменный вкус и «чуйку». Партер начинает роптать, лишь когда примадонна блюет зрителям прямо на головы. К этому моменту публика поумнее, которая обычно сидит в ложах, давно уже покинула зал. Тем не менее я решила обернуться на пороге, чтобы сказать вам кое-что на прощание...

— Почему вдруг такая милость? — язвительно поинтересовался Виктор.

— Конкретно в вашем случае на то были две причины, — невозмутимо ответила Сэт, — Первая — сострадание к читателям, которых вы почти убедили в том, что ваши циничные «увещевания» — единственная духовная пища, предназначенная им небесными силами. При всех недостатках эти люди заслуживают все-таки лучшего: и в смысле учения, и в смысле проповедника. Поэтому пользуясь случаем хочу заверить наших с вами соотечественников: духовное водительство над русскоговорящими территориями осуществляется далеко *не только* по каналам колдунов-человеконенавистников, пусть и талантливых в писательстве...

Вторая причина — сострадание к вам как человеку. Каждый, кто считает, что он *оказался предоставлен самому себе* — и не нужен больше никому в мире, заслуживает разговора по душам. Вдруг в вашем лабиринте бродит кто-то, умеющий теряться вместе с вами? Вдруг старое зеркало еще не разбито? Вдруг для того, чтобы увидеть *Выход*, вам нужно всего лишь несколько минут под светом железного фонаря?.. Вот мне и захотелось на прощание — в память о лучших временах — сообщить вам, что есть немало тех, кто видят, *что вы такое*, но не отшатаваются.

— И что же я *такое*? — спросил Виктор.

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС

– Во-первых, женоненавистник, – Сэт рванула с места в карьер, – Полноценные – в физическом и нравственном смысле – женщины вас ужасно раздражают. У всех женских персонажей (которые, кстати, получают у вас такими же неубедительными, как и у Федора Михайловича Достоевского) вы с маниакальной злобой изничтожаете малейшие признаки зрелой сексуальности.

– С чего вы взяли?! – воскликнул Виктор.

– Сами посудите, – послышался шорох бумаги по песку, и на коленях Сэт выросла стопка книг с разноцветными закладками. – Вот Анка из «Чапаев и Пустота»:

Она была острижена совсем коротко – эта даже трудно было назвать прической. На ее еле сформированную грудь, обтянутую темным бархатом, спускалась нитка крупных жемчужин, ее плечи были широкими и сильными, а бедра чуть узковатыми. Несомненно, она была эталоном красоты, но эту красоту сложно было назвать женской.

Далее шестнадцатилетняя Хлоя из «S.N.U.F.F.», чья «круглая голова со смешно оттопыренными ушами, розовыми щечками и гладкой, как на боевом барабане коже» делает ее похожей на «свинку». Но, возможно, дело в том, что Хлоя – оркская «красавица», а орки по определению мало привлекательны...

Однако вот юная Софи из «Бэтман Аполло», которую точно не упрекнешь в низком происхождении:

Это была стриженная наголо девушка в майке и шортах. Она действительно была стрижена наголо – с совсем короткой щетинкой песочного цвета, проступающей на загорелой голове.

О внешности ангела Надежды из «Любви к Трем Цукербринам» всё сказано одной фразой:

Женщины относились к ней нормально, потому что она была не слишком хороша собой и никто не видел в ней соперницу. Муж-

чины по той же причине не делали ее объектом своих, как говорят пожилые лесбиянки, фаллопатриархальных комплексов.

Вдобавок у Нади и интеллект снижен — а ведь она у вас *ангел!* Ужас!...

Теперь о женщинах вообще... Роман «Бэтман Аполло»:

Мужчина-беспилотник, забитый и испуганный, плетется в последний оставленный ему судьбой угол... Женщина всегда будет хихикать и плести свои мелкие рыбы интриги на фоне этой непонятной ей боли (*Сэт возмущенно фыркнула*) — зная только, что эта боль есть и с ее помощью можно сделать выгодный, очень выгодный гешефт. И поэтому она никогда не сможет стать настоящей подругой и сестрой... Какое глупое и доверчивое животное мужчина. Постоянно попадает в одну и ту же западню, которую, даже не скрываясь, кое-как плетет ему враждебное существо с холодной рыбой кровью.

Оттуда же:

Женщина будущего — это одетая шлюхой феминистка под защитой карательного аппарата, состоящего из сексуально репрессированных мужчин... Разгул феминизма, педоистерии и борьбы с харасментом в постхристианских странах — на самом деле просто способ возродить сексуальную репрессию, всегда лежавшую в основе этих культур.

И наконец:

Женщины вообще не особо любопытные существа... Им неважно, как устроен космос. (*Сэт фыркнула даже дважды*) Им важно знать, что пещера достаточно безопасна для того, чтобы завести потомство. Это древнее.

Сэт бросила очередную книгу на песок, выхватила следующую:

— Теперь из «S.N.U.F.F.»:

Самка человека представляет собой просто биологическую машину, которую можно условно разделить на два блока — информационный и производящий («гипнотабло» и «спермоприемник»). Производящий блок — это конвейер по производству новых человеческих существ, про который все и так хорошо знают. А вот информационный... Женская красота с научной точки зрения — это не что иное,

как суммарная информация о геноме и репродуктивной способности, которые анализируются мозгом за доли секунды. Совершенно правы были религиозные моралисты, заставлявшие женщин прикрывать специальной тряпочкой не только спермоприемник, но и гипнотабло. Ибо главный половой орган женщины — это, конечно, лицо. Не зря ведь чуткие к тихому голосу природы орки так его и называют: «ебальник»... Женщины старше заигрывают свой возраст, чтобы гипнотабло могло легче завлечь клиента в спермосборник.

Или вот еще (она зашуршала страницами):

Природа выложила для нас цветами дорожку к мигу соития, но сразу вслед за ним цветы вянут и гормонально обусловленные искажения нашего восприятия исчезают... Женщина специально мутит воду, чтобы поднятая муть сделала невидимыми те фундаментальные истины о ее роли в мужской судьбе, о которых мы говорили. Скрыть их помогают сильные психологические и эмоциональные перегрузки, которым она подвергает своего партнера, любыми способами стремясь лишить его ясности восприятия.

Сэт отбросила книгу на песок.

— Даже когда героиня готова отдаться без каких-либо условий и ожиданий, — продолжала она, — Вы в лице героя не можете удержаться, чтобы под занавес не пнуть ее побольнее:

— О чем вы сейчас думаете? — спросила [Анка]. — Только честно.
 — О чем я думаю? — сказал я, заводя свои руки ей за шею. — О том, что движение к высшей точке счастья в буквальном смысле подобно восхождению на гору...
 — Да не так же. Крючок расцепите. Да нет. Оставьте, я сама. Простите, я вас перебила.
 — Да, оно похоже на рискованное и сложное восхождение. Пока самое желанное еще впереди, все чувства поглощает сам процесс подъема. Следующий камень, на который должна ступить нога, куст бурьяна, за который можно ухватиться рукой... Как вы прекрасны, Анна... О чем бишь я... Да, цель придает всему этому смысл, но начисто отсутствует в любой из точек движения. В сущности, приближение к цели само по себе выше, чем цель. Был, кажется, такой оппортунист Берштайн, который сказал, что движение — это все, а цель — ничто...
 — Не Берштайн, а Бернштейн. Как это у вас расстегивается... Где вы только нашли такой ремень?

- О Боже, Анна, вы хотите, чтобы я сошел с ума...
- Говорите дальше, — сказала она, подняв на секунду взгляд, — но не обижайтесь, если некоторое время я не смогу поддерживать беседу.
- Да, — продолжал я, откидывая голову и закрывая глаза, — но самое главное здесь то, что как только вы поднялись на вершину, как только цель достигнута, она в тот же момент исчезает. В сущности, как и все созданные умом объекты, она неуловима. Подумайте сами, Анна, когда мечтаешь о прекраснейшей из женщин, она присутствует в воображении во всем совершенстве своей красоты, но, когда она оказывается в объятиях, все это пропадает. То, с чем имеешь дело, сводится к набору простейших и часто довольно грубых ощущений, которые к тому же обычно испытываешь в темноте... О-о-о... Но как бы они ни волновали кровь, красота, которая звала к себе минуту назад, исчезает — ее подменяет нечто такое, к чему и стремиться-то было смешно. А это значит, что красота недостижима. Точнее, она достижима, но только сама в себе, а то, чего ищет за ней опьяненный страстью разум, просто не существует. Изначально красота даже... Нет, я больше не могу. Идите сюда... вот так. Да. Да. Так удобно? О мой Бог... Как, вы сказали, правильно зовут этого человека, который говорил о движении и цели?
- Бернштейн, — прошептала Анна мне в ухо.
- Вам не кажется, что его слова вполне можно отнести к любви?
- Да, — прошептала она, слегка кусая меня за мочку. — Цель ничто, а движение — все.
- Так двигайтесь, двигайтесь, умоляю вас.
- А вы говорите, говорите...
- Что именно?
- Что угодно, только говорите. Я хочу слышать ваш голос, когда это случится.
- Извольте. Если продолжить эту мысль... Представьте себе, что все, что может дать прекрасная женщина, составляет сто процентов.
- Бухгалтер...
- Да, сто. Так вот, девяносто процентов она дарит в тот момент, когда просто ее видишь, а остальное, из-за чего идет весь тысячелетний торг, всего лишь крохотный остаток. И эти первые девяносто процентов невозможно разложить ни на какие составные части, потому что красота неопределима и неделима, что бы там ни врал Шопенгауэр. А что касается остальных десяти, то это просто совокупность нервных сигналов, которые не стоили бы ничего, не приходи им на помощь воображение и память... Анна, прошу вас, откройте на секунду глаза... Вот так... да, именно воображение и память. Зна-

ете, если бы мне надо было написать по-настоящему сильную эротическую сцену, я дал бы несколько намеков, а остальное заполнил бы невнятным разговором, вроде того... О Боже, Анна... Вроде того, который сейчас идет у нас с вами. Потому что изображать нечего — все должен достроить ум. Обман и, может быть, величайший из женских секретов... Ах, моя девочка из старой усадьбы... заключается в том, что красота кажется этикеткой, за которой спрятано нечто неизмеримо большее, нечто невыразимо более желанное, чем она сама, и она на него только указывает, тогда как на самом деле за ней ничего особого нет... Золотая этикетка на пустой бутылке... Магазин, где все выставлено на великолепно убранной витрине, а в скрытом за ней крохотном, нежном, узком-узком зале... Умоляю, милая, не так быстро... Да, в этом зале — пусто. Вспомните стихотворение, которое я читал этим несчастным. Про княгиню и бублик... Ах, Анна... Как бы он ни манил, наступает момент, когда понимаешь, что в центре этого черного бублика бублика бублика пустота пустота-а-а пу-у-сто-о-о-т-а-а-а!¹

— Какое изощренное оскорбление... — произнесла Сэт, помолчав. — И при этом нанесено оно *с умом*, как вы сами неоднократно подчеркнули в этом отрывке. Вообще, ума в этой любовной сцене гораздо больше, чем сердца, а это всегда плохой признак.

— Плохой для кого? — спросил Виктор.

— Для писателя, конечно, — вздохнула Сэт. — Так что не будем лукавить, Виктор. Взрослые женщины вам категорически не нравятся. Я думаю, этому есть три объяснения. Первое. Взрослую женщину труднее обдурить, и это раздражает, особенно если мужчина сам шулер². Второе. Женщины как класс бесят лишь тех

¹ В. Пелевин. «Чапаев и Пустота»

² «У меня даже мысли не было, что я делаю что-то дурное — разница со стандартным мужским поведением заключалась в том, что обычно человеческий самец врет наугад и навскидку, а я знал, что говорить и как. Это было все равно что играть в карты, зная, что на руках у партнера. Шулерство, да. Но ведь люди в таких случаях играют исключительно с целью проиграть друг другу как можно быстрее,

мужчин-латентных гомосексуалистов, кто в силу этнически-культурных предрассудков³ считают необходимым притворяться гетеросексуалами. Возникает перманентная фрустрация, которая выплескивается как на женщин-сексуальных партнерш поневоле, так и на мужчин-открытых гомосексуалистов, тайно желанных, но недоступных. Недаром ваши книги избобилуют не только «спермосборниками» и «гипнотабло», но и «гренландскими пидорами во время течки», «сосанием х*ев» по любому поводу и «разработанными долгой практикой морщинистыми анусами» на потолках. А третья причина заключается в том, что взрослые женщины, они же *взрослые* – и вот об этом подробнее прямо сейчас...

ДЕТСКИЙ ВОПРОС

– Понимаю, на что намекаете, – вздохнул Виктор, – Но зачем приписывать автору слабости его литературных героев? С такой логикой у нас вообще ни одного нормального творца не останется.

– Не лукавьте, – возразила Сэт, – Если бы речь шла о единичных случаях... Но за два десятка лет в ваших героях накопилось столько кусочков вас, что вполне набирается на законченный портрет в технике паззл.

по возможности не нарушая правил хорошего тона». – В. Пелевин. «Empire V»

³ Как вы хорошо объяснили в «Священной книге оборотня»: «Большинство русских мужчин гомофобы из-за того, что в русском уме очень сильны метастазы криминального кодекса чести... Россия общинная страна, и разрушение крестьянской общины привело к тому, что источником народной морали стала община уголовная... А когда был демонтирован последний протез религии, советский „внутренний партком“, камертоном русской души окончательно стала гитарка, настроенная на блатные аккорды».

– Кусочков меня?

– Ну да. Например, в «Чапаев и Пустота» вы Пустота и Котовский. В «Священной книге оборотня» сразу четверо: Александр и консультант Павел Иванович, А Хули и И Хули. В «Шлеме ужаса» вы в каждом герое, но есть и два фаворита: Ромео-и-Кохиба и Монстрадамус. В двух вампирских романах вы Рама и Великая мышь. В «S.N.U.F.F.» – Дамилола и его напарник Бернар-Анри. В «Любви к трем цукербринам» – Киклоп и Кеша.

– А по каким критериям вы отбирали эти *alter ego*? – спросил Виктор.

– Логика плюс интуиция, – живо ответила Сэт. – Например, и Пустоте, и Котовскому нравится Анка. Я уже говорила об Анке – это молодая женщина, которая воспринимается Пустотой (и вами) как однозначно привлекательная физически, независимая духовно и уж точно не менее продвинутая, чем остальные герои-мужчины. Однако, несмотря на явное преимущество Котовского (и по опыту, и по рафинированности восприятия), Анка тем не менее отдает предпочтение Пустоте. Пустота – тот, кем вы надеетесь стать. Котовский – тот, кем вы стать боитесь. А Анка – та, которую в безумные 90е вы еще надеялись встретить...

Сэт замолчала, как бы приглашая Виктора отреагировать.

– Допустим. А дальше? – буркнул Виктор.

– Дальше «Священная книга оборотня». Этот роман примечателен по многим причинам. Первая. Ваших *alter ego* там сразу две пары: Александр + А Хули, Павел Иванович + И Хули. Почему я распределяю именно так, скоро поясню. Вторая. Это единственное ваше произведение, где женщина не просто главный герой (она бывала им и раньше, но довольно жалким – как в рассказе «Вести из Непала» или в отдельных новеллах «Жизни насекомых»), но духовный лидер. Третья. В этом романе вы впервые прямо указываете на возрастную категорию женщин, которых считаете привлекательными: «ближе к четырнадцати»:

Тело у нас тонкое и стройное, без капли жира, с великолепной рельефной мускулатурой – как бывает у некоторых спортивных подростков. Волосы огненно-рыжего цвета, тонкие, шелковистые и бле-

стящие. Рост у нас высокий... Грудки у нас небольшие, совершенной формы, с маленькими темно-коричневыми сосками. Даже самые красивые женщины рядом с нами кажутся грубыми заготовками — как наспех обтесанная глыба камня рядом с готовой скульптурой.

Но если бы этот роман был настолько прост, он не был бы так хорош. Только мы восхитились физическому и духовному совершенству А Хули, как Александр — другой, не менее авторитетный для вас оборотень (и еще одно ваше *alter ego* в этом произведении), — рассказывает, как наша красавица выглядит *на самом деле*:

— Слушай, — сказал он, — тебе не надо этого [охотиться на курочку и превращаться во время охоты в лису] делать. Никогда.
— Почему?
— Ты только не обижайся, но ты не очень хорошо выглядишь. В смысле, когда становишься... Не знаю. В общем, не твое это.
— Почему нехорошо выгляжу?
— Какая-то ты облезлая. И на вид тебе можно дать лет триста, не меньше.

Но больше всего я смеялась, конечно, над колонкой «Большой хищник ищет убежища в Битцевском парке»:

Лиса, усеянная множеством проплешин, или, правильнее сказать, в некоторых местах все еще покрытая шерстью, вызвала у свидетелей происшествия не только чувство острой жалости, но и подозрение, что неподалеку находится свалка радиоактивных отходов. Возможно, старое больное животное пришло к людям в надежде на *soup de grasse*, который прервет его страдания. Но от сегодняшних ожесточившихся москвичей не приходится бесплатно ожидать даже такой услуги. Осталось неизвестным, чем завершилась погоня, которую начали за больным животным два конных милиционера.

За такой чудесный образчик самоиронии многое можно простить... Интересно, почему вы пошли на это? Хотели доказать самому себе, что ваша слабость к юным душам женского пола все еще под контролем ясного ума? Или считали важным напомнить, что даже самое совершенное тело должно хотя бы иногда искажаться несовершенством заключенной в нем души? В любом случае, в этом романе вы нравитесь мне больше всего.

И потому, что смогли увидеть в каждой лолите облезлую лису. И потому, что дали А Хули возможность уйти, правда, не без надежды, что она вытянет за собой и вас в лице Александра (недаром они так часто практиковали сцепку хвостами)¹. И потому, что честно признали, что для тайного любителя «пошлепаться» с 14-летними девочками путь сверхоборотня закрыт по определению... Продолжать?

– Валяйте, – машинально отозвался Виктор.

– «Шлем ужаса»... Конечно, не обошлось без малолеток – в лице Изольды и одной зеленой фрески, – но интересно другое. Во-первых, начиная с этого произведения каждый ваш женский персонаж – это или бесполоая вещательница, или наложница. А Хули повезло быть последней, кто получила от вас и внешность, и мозги, и душу. В «Шлеме ужаса» есть похожая духоводительница Ариадна, но романтически она вам настолько не интересна, что вы даже не упоминаете, есть ли у нее тело вообще. А вот Изольда, напротив, духовными вопросами совершенно не интересуется, зато выглядит, как «Моника Левински в виде Джоконды, но в пять раз моложе». Учитывая, что на упомянутой обложке журнала «New Yorker» Моника изображена в возрасте 26 лет, разделив эту цифру хотя бы на два, получаем ваш любимый возраст – 13... Его предпочитает и главный претендент на сердце Изольды – «пыльный мужик» по прозвищу Ромео-и-Кохиба, ваш *alter ego* в этом романе. Не случайно именно на его половине сада-лабиринта обнаруживается фреска с изображением голой девушки «не старше четырнадцати» в морской раковине, которая

¹ «Мне захотелось объяснить Александру главное из понятого мною в жизни. Мне следовало хотя бы попробовать – иначе чего стоила моя любовь? Разве я могла бросить его одного в ледяном гламуре этого развивающегося ада, который начинался сразу за кромкой леса? Мне следовало протянуть ему хвост и руку, потому что, кроме меня, этого не сделал бы никто». – В. Пелевин. «Священная книга оборотня»

с двусмысленной улыбкой прикрывает механическим букетом цветов «самый низ живота, ниже которого ничего не бывает». Само собой, в стену над фреской вмонтированы выступы с реальными резиновыми ручками — и, конечно, ни Ромео, ни вам как автору *совершенно* непонятно, *зачем* эти ручки, и почему с другой стороны у отверстия, скрывающегося за подвижным букетом, предполагается лицо юной Изольды...

Сэт усмехнулась и продолжала:

— Дальше у нас «Empire V» и «Бэтман Аполло», где вы, по моему скромному мнению, Рама и Великая мышь. Ну, Рама — понятно почему: духовный поиск, особый статус, мистические приключения, внезапные минеты... А вот о Великой Мыши я догадалась по двум отрывкам:

Мертвая голова Иштар лежала (мне хотелось сказать, «восседала», как если бы речь шла о большой жабе) на огромном золотом блюде. Ее одутловатое лицо в складках старческого жира выглядело помятым несмотря на несколько слоев погребальной раскраски. Под головой Иштар стоял утопающий в цветах гроб с обнаженным телом молодой девушки. Это было удивительно красивое и совершенное тело — за одним лишь исключением: у него не было головы. Зато у Иштар, вознесенной высоко над пропастью и гробом, не было тела — и вместе они составляли какое-то жуткое противоестественное единство. Тело девушки казалось жертвой, которую вытребовала для себя эта ненасытная голова, уже мертвая, но все еще пожирающая живых...¹

и

На стене висели две картины с обнаженной натурой. На первой в кресле сидела голая девочка лет двенадцати. Ее немного портило то, что у нее была голова немолодого лысого Набокова; соединительный шов в районе шеи был скрыт галстуком-бабочкой в строгий буржуазный горошек. Картина называлась «Лолита». Вторая картина изображала примерно такую же девочку, только ее кожа была очень белой, а сисичек у нее не было совсем. На этой картине лицо Набо-

¹ В. Пелевин. «Бэтман Аполло»

кова было совсем старым и дряблым, а маскировочный галстук-бабочка на соединительном шве был несуразно большим и пестрым, в каких-то кометах, петухах и географических символах. Эта картина называлась «Ада». Некоторые физические особенности детских тел различались — но смотреть на девочек было неприятно и даже боязно из-за того, что глаза двух Набоковых внимательно и брезгливо изучали смотрящего — этот эффект неизвестному художнику удалось передать мастерски.¹

Дело в том, что каждый педофил и есть такая мертвая голова на чужом юном теле. Наиболее нетерпимы к физическому несовершенству и признакам старения те, кто сам дряхл — телом и душой. Здоровые во всех отношениях люди меньше всего зацикливаются на возрасте как таковом. Радостная и любопытная душа освещает тело приятным светом и в 20, и в 40, и в 80 лет, ведь прекрасен и яблоневый цвет, и сам плод, и яблоневое варенье, хотя эти три ипостаси яблока пахнут и выглядят по-разному. Потребность воровать душевную молодость у запредельно юных спутников и спутниц возникает лишь у тех, кто утратил собственную. Особенно жадны до нее «хреновые колдуны»²...

Сэт сделала паузу, давая Виктору возможность возразить, но он молчал. Вздохнув, она продолжила:

— В «S.N.U.F.F.» вы, конечно, пупарас Дамилола и его напарник Бернар-Анри; они оба предпочитают малолеток. Дамилола — изошренный насильник, поэтому ему вы вручаете Каю, идеальную во всех отношениях, включая возраст (по тексту она «чуть моложе» Хлои, то есть ей должно быть как раз лет 13–14). Поскольку Бернара-Анри тянет на банальную «расчлененку», ему достается Хлоя, которую не так жалко пустить в расход: она хоть и симпатичная, но не такая возвышенная, как Кая, да и «старовата» — ей уже 16 лет...

¹ В. Пелевин. «Empire V»

² «Обошелся с собой как хреновый колдун — превратился в дерьмо, а как обратно — не знаю» — из стихотворения «Душегуб» А. Хрынова (1995)

Ну и последнее из прочтенного мной — «Любовь к трем цукербринам». В тусклой реальности вы Киклоп, который напоминает мне постаревшего Принца Госплана: живет в окружении таких же тайных педофилов и наркоманов, как и он, время от времени снабжая их детей элементарными прекурсорами¹. А в виртуальных фантазиях вы Кеша, беззаветно насилующий цифровую девочку, которая «тонка, юна и безумно красива — той особой невыносимой красотой, которая, как подмечал не один русский классик, редко бывает доступной легально». Видимо, именно из соображений легальности девочка и заявлена как компьютерная программа, а то в некоторых сценах с ее участием Кеша закладывает такие виражи, что желудок может вывернуть не только у рядовых читателей, но и у сотрудников правоохранительных органов.

— Ну зачем вы смешиваете писателя и его героев... — чуть не застонал Виктор. — Ваши экстраполяции пристрастий персонажей на автора совершенно бездоказательны...

— Доказательства — для человеческих следователей, — отрезала Сэт, — Как, кстати, и ваши аккуратные опровержения², оговорочки «по Фрейду»³ и пассажи из серии «а судьи кто?»⁴.

¹ «Там никто не жил, и я бы избавлен от необходимости обсуждать политику или погоду в ожидании лифта — или открывать дверь соседскому ребенку, которому срочно понадобились ацетон, уксус и марганцовка». — В. Пелевин. «Любовь к трем цукербринам»

² «Я нахожу, что для женщин лучше всего возраст Хлои — шестнадцать лет, та граница, которую наметила сама природа (говорящая с нами в том числе и на языке криминальных уложений, ибо она многолика)». — В. Пелевин. «S.N.U.F.F.» «Женщины моложе шестнадцати интересуют лишь детей и девиантов». — там же.

³ «Ей было, наверно, лет восемнадцать, но выглядела она не старше четырнадцати» (В. Пелевин. «Шлем ужаса»); «на вид ей можно дать от четырнадцати до семнадцати — ближе к четырнадцати». (В. Пелевин. «Священная книга оборотня»)

А нам достаточно того, что мы знаем. И вы про себя это знаете тоже.

— Интересно, Достоевского с Набоковым вы так же распинаете? — поинтересовался Виктор, стараясь сохранять хладнокровие. — Наверное, помните со школы: красные паучки, Долорес Грейз...

— Ну давайте поговорим и об этих двоих, — подхватила Сэт, как будто только и ждала его слов. — Как вам, конечно, хорошо известно, при жизни Достоевского ходили слухи, что в молодости, еще до революционного кружка, Федор Михайлович имел какую-то историю с малолетней девочкой — то ли сам ее «обидел», то ли стал свидетелем «обиды», нанесенной другими, но не вмешался. Действительно, в своем творчестве⁵ Достоевский постоянно возвращается к теме насилия над ребенком, в том числе сексуального, но то, *как* он его описывает, лично для меня снимает все вопросы, совершал ли он нечто подобное в реальности. Не совершал. А если и ловил себя на мыслях такого рода — ужасался и честно выворачивался наизнанку в самых душераздирающих сценах своих произведений. Обычно припоминают Матрешу из «Бесов» с ее *красным паучком*, но более показателен другой персонаж — господин Свидригайлов из «Преступления и наказания».

⁴ «— Тебе не приходило в голову, что педофилия среди англо-саксов — не отклонение, а плохо скрываемая ориентация молчаливого большинства?»

— Нет, — ответила Софи, — почему?

— А откуда иначе могло возникнуть такое обращение к половому партнеру — „дитя“? Что это за „baby“, как не фрейдистская оговорка...? Или даже не оговорка, а просто привычка, остающаяся от норвежского секса...

— А это что такое?

— Это когда с детьми доречевого возраста. Которые пожаловаться не могут». В. Пелевин. «Бэтман Аполло»

⁵ Например, см. Часть Третью книги Марка Слонима «Три любви Достоевского», Нью-Йорк, 1953.

Сэт взяла из темноты книгу, раскрыла на закладке и зачитала:

Вы эту Ресслих знаете? Вот эту самую Ресслих, у которой я теперь живу, — а? А Ресслих эта шельма, я вам скажу, она ведь что в уме держит: ... Есть, говорит, один такой расслабленный отец, отставной чиновник, в кресле сидит и третий год ногами не двигается. Есть, говорит, и мать, дама рассудительная, мамаша-то. Сын где-то в губернии служит, не помогает. Дочь вышла замуж и не навещает, а на руках два маленькие племянника (своих-то мало), да взяли, не кончив курса, из гимназии девочку, дочь свою последнюю, через месяц только что шестнадцать лет минет, значит, через месяц ее и выдать можно. Это за меня-то. Мы поехали; как это у них смешно; представляюсь: помещик, вдовец, известной фамилии, с такими-то связями, с капиталом, — ну что ж, что мне пятьдесят, а той и шестнадцати нет? Кто ж на это смотрит? Ну а ведь заманчиво, а? Ведь заманчиво, ха-ха! Посмотрели бы вы, как я разговорился с папашей да с мамашей! Заплатить надо, чтобы только посмотреть на меня в это время. Выходит она, приседает, ну можете себе представить, еще в коротеньком платьице, неразвернувшийся бутончик, краснеет, вспыхивает, как заря (сказали ей, конечно). Не знаю, как вы насчет женских личик, но, по моему, эти шестнадцать лет, эти детские еще глазки, эта робость и слезинки стыдливости, — по моему, это лучше красоты, а она еще к тому ж и собой картинка. Светленькие волоски, в маленькие локончики барашком взбитые, губки пухленькие, аленькие, ножки — прелесть!.. Ну, познакомились, я объявил, что спешу по домашним обстоятельствам, и на другой же день, третьего дня то есть, нас и благословили. С тех пор как приеду, так сейчас ее к себе на колени, да так и не спускаю... Ну, вспыхивает, как заря, а я целую поминутно; мамаша-то, разумеется, внушает, что это, дескать, твой муж и что это так требуется, одним словом, малина! И это состояние теперешнее, жениховое, право, может быть, лучше и мужнего. Тут что называется *La nature et la vérité!* Ха-ха! Я с нею раза два переговаривал — куда не глупа девочка; иной раз так украдкой на меня взглянет — ажно прожжет. А знаете, у ней личико вроде Рафаэлевой Мадонны. Ведь у Сикстинской Мадонны лицо фантастическое, лицо скорбной юродивой, вам это не бросилось в глаза? Ну, так в этом роде. Только что нас благословили, я на другой день на полторы тысячи и привез: бриллиантовый убор один, жемчужный другой да серебряную дамскую туалетную шкатулку — вот какой величины, со всякими разност-

ми, так даже у ней, у мадонны-то, личико зарделось. Посадила я ее вчера на колени, да, должно быть, уж очень бесцеремонно, — вся вспыхнула и слезинки брызнули, да выдать-то не хочет, сама вся горит. Ушли все на минуточку, мы с нею как есть одни остались, вдруг бросается мне на шею (сама в первый раз), обнимает меня обеими ручонками, целует и клянется, что она будет мне послушною, верною и доброю женой, что она сделает меня счастливым, что она употребит всю жизнь, всякую минуту своей жизни, всем, всем пожертвует, а за всё это желает иметь от меня только *одно мое уважение* и более мне, говорит, «ничего, ничего не надо, никаких подарков!» Согласитесь сами, что выслушать подобное признание наедине от такого шестнадцатилетнего ангельчика, в тюлевом платьице, со взбитыми локончиками, с краскою девичьего стыда и со слезинками энтузиазма в глазах, — согласитесь сами, оно довольно заманчиво. Ведь заманчиво? Ведь стоит чего-нибудь, а? Ну, ведь стоит? Ну... ну слушайте... ну, поедимте к моей невесте... только не сейчас!¹

— Это лишь один из эпизодов. — сказал Сэт, откладывая книгу. — Там еще и 15-летняя воспитанница мадам Реслих, которая наложила на себя руки после слишком близкого знакомства с господином Свидригайловым — он потом увидит ее в кошмаре. И воспоминания о том, по каким «грязным углам» он гулял и какие «бутоны» там срывал. И история с 13-летней девочкой на одном «танцевальном так называемом вечере — клоак страшный»...

— Почему такое пристальное внимание к Свидригайлову? — хмуро перебил Виктор.

— Потому что Ставрогин, единожды совративший кухаркину дочь-подростка по заумным мотивам, — такой же педофил, как Раскольников — убийца. — столь же хмуро ответила Сэт. — А нам нужен такой, чтоб разбирался в предмете. Истинный ценитель, для которого «обладать прекрасным телом — одно, а высокодуховным прекрасным телом, божественным цветком, в котором бьется древнее сердце человечества — совсем дру-

¹ Ф. М. Достоевский. «Преступление и наказание»

гое...».¹ Такой, чтобы у него, как у Свидригайлова, вставал именно на самых беспомощных:

От сестрички пахло вишнями и детством. Она смотрела в сторону. Ее лицо сморщилось в злую гримасу — словно Кеша казался ей зубным врачом, повадившимся лазить своим сверлом в неположенное место, а пожаловаться было некому... — Поехали! — произнес он любимую фразу Мэрилин — и потянул синий подол вверх...

[Поскольку с момента публикации романа понятие «детской порнографии» в российском законодательстве было уточнено и расширено, от полного цитирования этого отрывка — по настоятельному совету редакторов — автор вынужден воздержаться. Он предлагает поклонникам творчества В. Пелевина самостоятельно найти и освежить в памяти этот кусок, до слов:]

...А потом произошло самое трогательное — то, что каждый раз доводило его до иступления. Сестричка вдруг закрыла ладонями глаза... У милого полудетского движения была дополнительная прелесть непредсказуемости. Кеша не мог больше сдерживаться...²

Конечно, Кеше до Свидригайлова так же далеко, как автору «S.N.U.F.F.» до Федора Михайловича, — но посылы похожи. Разница лишь в отношении самого автора к тому, что кипит в душе литературного героя. Достоевский искренне ужасается, какое сладострастие может таиться в топтании чужой (не только детской!) души — и истязает себя за одну лишь тень мысли об этом. А Виктор Пелевин давно уже нашел себе и оправдание, и моральный камуфляж и уплетает теперь *блестящие вишни* вместе с косточками и черенками, не сплевывая...

Сэт замолчала. Виктор решил не поддаваться на провокацию — и не подавать голоса. *Пока не подавать голоса.*

— Мне кажется, что вашу снисходительную усмешку вызывает именно робость Федора Михайловича перед глубиной порока, о котором мы сейчас говорим. — продолжала Сэт. — Слыша

¹ В. Пелевин. «S.N.U.F.F.»

² В. Пелевин. «Любовь к трем цукербринам»

стоны чужой истерзанной души, он приближается к краю пропасти, дрожа от ужаса; и, не дойдя пары шагов, отшатывается обратно. Влекомый волнами боли, возвращается к провалу, но снова бежит прочь... Эти метания писателя довиртуальной эпохи кажутся вам наивной глупостью, не так ли? Бедняга Достоевский просто не застал те времена, когда в любую *пропасть* можно заглянуть через камеру дрона да еще и поковыряться там его мапуляторами во всех *складках и пещерках*...

Ну, ладно. Достоевский все-таки слишком далек эпохально. Чаще и язвительней вы поминаете другого специалиста по любви к детям и почти вашего современника — Владимира Владимировича Набокова. Этот знаток бабочек и всех аспектов взаимоотношений мужчин средних лет и учениц средней школы — частый *cameo* в Ваших произведениях. Впервые он упоминается в «Священной книге оборотня» как любимый писатель А Хули, которая представляет себя второй Лолитой. Именно анализу творчества Набокова посвящен ее спор с консультантом Павлом Ивановичем — любителем «юной России» и по совместительству вашим еще не окрепшим тогда *alter ego*. Приведу их беседу полностью:

— Счастье, милочка, такая противоречивость. Достоевский вопрошал, мыслимо ли оно, если за него заплачено слезой ребенка. А Набоков, наоборот, сомневался, бывает ли счастье без нее.

Такого плевка в могилу писателя я не вынесла...

— Меня оскорбляет, когда Набокова путают с его героем. Или называют крестным отцом американской педофилии. Это глубоко ошибочный взгляд на писателя. Запомните, Набоков проговаривается не тогда, когда описывает запретную прелесть нимфетки. Страницами не проговариваются, страницами сочиняют. Он проговаривается тогда, когда скупой, почти намеком упоминает о внушительных средствах Гумберта, позволявших ему колесить с Лолитой по Америке.

О том, что на сердце — всегда украдкой.

Про внушительные средства, как заветную мечту Набокова, — притянуто, конечно, за уши. Вы бросили, как вам показалось, эффектную *палку* всем практикующим «анальный фистинг» филологам, чтобы увести их внимание уже от другого писателя,

которого — как и Набокова — можно легко «спутать» с некоторыми его героями (Сэт усмехнулась). Не знаю, правда, купился ли кто на этот трюк — в таких делах даже собаки хорошо чувствуют, *что* заводит автора больше: «скромный достаток, который позволил бы спокойно ловить бабочек где-нибудь в Швейцарии» или школьница с незрелым телом, но зрелым духом, отчего приклонять ее умную головку к расстегнутой ширинке особенно сладко...

Любопытно, что в романе «Ампир V», который вышел годом позже, вы заговорили о Набокове в совсем другой тональности — я уже цитировала этот отрывок раньше¹. Почему такая разительная перемена? Думаю, первая причина в том, что Набоков слишком хорошо вас понимает, а это всегда мешает расслабиться, как поясняет Энлиль Маратович в разговоре с новичком Рамой:

— Понимаешь, что хотел сказать художник? — спросил он.
Я отрицательно помотал головой.
— Романы Набокова «Лолита» и «Ада» — это варианты трехспальной кровати «Владимир с нами». Таков смысл.
— ... Я не совсем понял. — спросил я вежливо, — а почему романы писателя Набокова — это трехспальная кровать?
— А потому, что между любовниками в его книгах всегда лежит он сам. И то и дело отпускает какое-нибудь тонкое замечание, требуя внимания к себе. Что невежливо по отношению к читателю, если тот, конечно, не геронтофил...

А вторая причина отлично сформулирована восточными мудрецами: «В других нас больше всего раздражает то, чего мы сами не можем себе позволить». Как и вы, Набоков заглянул в *пропасть* глазами литературного героя, но при этом, в отличие от вас, ему удалось пересечь ее без существенных кармических долгов.

¹ См. цитату на стр. 155, которая начинается словами: «На стене висели две картины с обнаженной натурой...»

— Ладно. Вижу, молчанием этот фонтан не остановить. — процедил Виктор сквозь зубы. Он решительно встал, но, пару секунд помявшись с ноги на ногу, сел обратно на песок в ту же ямку, как будто его дернули за невидимый поводок.

— Ваша ярость свидетельствует о том, что мы двигаемся в правильном направлении. — усмехнулась Сэт. — Если станет совсем немоготу, спокойно впадайте в нирвану, как Кая, — у меня достаточно полномочий, чтобы вытащить вас обратно на разговор. Здорово у нас тут всё устроено, правда?

Сэт расхохоталась, но даже сквозь пелену гнева Виктор не услышал в ее смехе злорадства — только горечь.

— Возвращаясь к Набокову... — продолжала она, отсмеявшись. — Его карму спасло то, что, во-первых, он позволил Лолите вырасти и подурнеть, а, во-вторых, заставил Гумберта сломать себе жизнь, хотя мог бы подбросить в его постель еще много нераспустившихся бутонов... А Ваши А Хули, Софи, Сестрички и Каи — цветы, которые не вянут. Скажу больше: они даже не цветы, они химеры, и придумали вы их такими, чтобы не только избежать вполне реальной земной ответственности, но и срезать парочку «кармических углов». Вам показалось, что если ребенок, над которым так сладко издевается герой, не из плоти и крови, а из пластика и проводов или битов информации, то в *финальный дебет-кредит* эти литературные шалости не попадут... Какая очевидная, почти бессознательная, хитрость... Но *хитрое сердце дурачит только себя*, не так ли?

— С такой чушью даже спорить не хочется, — отрезал Виктор, — Но для протокола, раз уж вы препарируете мое творчество, — а куда же тогда делся Набоков *потом*? Из всего массива вы нашли только три цитаты в двух романах?

— Набоков появляется, пока вам есть о чем с ним поговорить — например, о тех слабостях, которые вы считаете общими для вас обоих. Но этот период был недолгим. Уже во второй части вампирской дилогии старая жирная голова, оседлавшая юное тело и пожирающая его, принадлежит не Набокову, а вашему *alter ego*¹. Отныне вы сам себе Великая мышь, а значит

прикрываться классиками больше нет нужды и пронизательный взгляд Набокова отныне не помеха.

— Да что ж вас так на педофилию крутит? — воскликнул Виктор. — Такое ощущение, что педофил для вас — преступник больший, чем убийца. А ведь еще недавно в десять лет замуж выдавали...

— Глупости! — отрезала Сэт. — В детстве мы способны видеть в себе и в других всё, кроме половой функции. Оттого детство — поря самых ярких духовных прозрений даже у совершенно убогой в зрелую пору личности. Тот, кто развращает ребенка, оскорбляет не просто тело — он преждевременно заземляет душу. Педофилия — это не столько физический акт, сколько духовное надругательство, суть которого в том, чтобы убедить юное существо, что его единственная ценность — в половых органах; главный смысл существования — в удовлетворении чужой похоти; невысказанные страдания — ничего не значат; а вся эта липкая подлость — и есть любовь. Можно объяснить и по-другому:

Педофил — это тот сильный, у кого стоит член на унижение слабого. Маленького. Беззащитного. Тот, кто возбуждается от уничтожения чужой крошечной жизни. Тот, кто насилие над беспомощным оправдывает любовью.²

Или вот так:

Ей было только четырнадцать лет, но это было уже разбитое сердце, и оно погубило себя, оскорбленное обидой, ужаснувшюю и удивившюю это молодое, детское сознание, залившюю незаслуженным стыдом ее ангельски чистую душу и вырвавшюю последний крик отчая-

¹ См. цитату из романа В. Пелевина «Бэтман Аполло» на стр. 155, которая начинается словами: «Мертвая голова Иштар лежала (мне хотелось сказать, „восседала“, как если бы речь шла о большой жабе) на огромном золотом блюде...»

² Антон Красовский — https://snob.ru/selected/entry/104428#comment_816499

ния, не услышанный, а нагло поруганный в темную ночь, во мраке, в холоде, в сырую оттепель, когда выл ветер.¹

Когда речь идет о столь серьезных посягательствах на духовный потенциал личности, в игру вступает третья сторона. Дело в том, что, прерывая полет юной души, растлитель плюет в лицо *Тем, у Кого нет лица, и Чья печаль страшнее любого гнева*. Как сказал один умница:

Красота юной девушки — это свернутое будущее, незримо присутствующее в настоящем. Это сообщение о том, что прямо здесь может запросто открыться дверь в далекое завтра — одна из тех, сквозь которые Маниту ускользает сам от себя в грядущее уже столько миллионов лет. Маниту нравится, когда он видит такую дверь через наши глаза...²

А душевная красота ребенка тем более...

Сэт вздохнула и заговорила очень тихо, как если бы делилась большим секретом:

— Не обманывайся, что мир придуман тобой, а значит страдания его обитателей не реальны. Если они приносят твоей душе хоть малейшее удовольствие, жертва мгновенно обретает плоть и кровь. Ты же сам писал: «Не в том дело, что душа становится подлой, совершая эти поступки. Дело в том, что подлая душа себя через них проявляет». Почему ты перестал стесняться? Поверил, что никто из тех, кто мог бы понять, уже не смотрит? Решил, что вокруг действительно одни насекомые и бесхвостые обезьяны, перед которыми можно отправлять самые убогие свои потребности без малейшего стеснения? Но гробишь и губишь ведь впустую! Кайфа не ловишь. Подносишь розу, а пахнет говном. Потому что говно — в твоих ноздрях!

В волнении Сэт замолчала. Через несколько мгновений она продолжила:

¹ Ф. Достоевский. «Преступление и наказание»

² В. Пелевин. «S.N.U.F.F.»

— Я знаю, что говорю очень неприятные вещи. Но это необходимо высказать в самом начале, чтобы войти в самую важную тему с открытым забралом. Вы должны понимать: я знаю о вас всё, но это никак не умаляет моего желания и готовности идти с вами дальше. А вы согласны пойти дальше со мной?

В темноте над освещенными коленями Сэт выплыли и замерли два серебристых кружка, вроде отражателей в глазах у кошек или на велосипедных шлемах. Руки, лежащие на коленях, свернулись в кулаки и тут же разжались. Виктор поднял голову и вдохнул прохладный степной воздух. В нем не было угрозы, и поэтому он ответил со вздохом:

— Пойдем, хуже все равно не будет.

ДУХОВНЫЙ ВОПРОС

— Итак, почему говно и откуда в носу? — начала Сэт таким тоном, как будто готовилась прочитать лекцию по высшей математике. — Впервые оно выплыло на поверхность в рассказе «Девятый сон Веры Павловны», где сюжет разворачивался внутри общественного туалета. Возможно, в этом случае место действия было выбрано из соображений эпатажа, однако уже с конца 1990х туалетно-анальная тема и сопутствующая вонь становятся неотъемлемыми атрибутами ваших произведений: от «Generation «П» к «Числам» с белыми чулочками на головах, к омерзительным запахам от людей в «Священной книге оборотня» (причем особенно докучают эти запахи персонажу, который сам воняет псиной). В романе «Empire V» вы подняли знамя вездесущего говна на новую высоту — в этом произведении «отхожие места духа» заняли буквально всё пространство. Следом, в облаке тех же «запахов отхожего места», выходит роман «S.N.U.F.F.». Наконец, в «Любви к трем цукербринам» «вонь» и производные от него слова на только первых тридцати страницах встречаются восемь раз (далее я просто перестала считать): «делил на «вонючек» и «усталых»», «отвоиняв свое», «между равновоинючими «старым» и «новым»»,

«в небольшом вонючем помещении», «поцеловал небритым вонючим ртом», «зловонный ад птицефабрики», «не меньшее зловоние», «с кудахтаньем и вонью». К этому добавляются «брызги говна», «гнойный тысячелетний яд», «пирожок с дерьмом», «куски распадающегося мяса» и «загаженный стационарный сортир», который пахнет кашками даже после генеральной уборки. Как видите, с годами плотность говна нарастала, этот факт можно считать установленным.

Но *откуда* оно у вас взялось в таких количествах, тем более в носу, если судить по вездесущности и интенсивности запаха? Вы заметили однажды, что «расплатой за магию, меняющую естественный ход вещей, рано или поздно становится смерть». На самом деле, всё гораздо хуже. Расплатой становится духовный переворот и погружение головы мага в ту пахучую субстанцию, которая даже в убогом Средневековье не поднималась выше колен. И чем мощней личность мага, тем сильнее давление на его голову, воткнутую в землю, — и глубже погружение.

Только не путайте *магов* (я предпочитаю называть их *колдунами* или *шаманами*) с *мистиками*. Разница между ними принципиальна, хотя и колдуны, и мистики одинаково ясно чувствуют *Закон*. Однако — в отличие от колдунов — мистики не просто следуют его букве, но и глубоко уважают дух. Напротив, колдуны при любой возможности пытаются *Закон* на*бать — то есть, не нарушая формально, переиначить его смысл на противоположный, поставив сложнейшую космическую механику на службу собственным мелким интересам. «В божественном уме действуют простые и ясные законы, которые известны нам всем. Но эти законы можно использовать весьма хитрым способом»¹ — вот философия классического колдуна. Есть у них и другие неприятные обычаи — например, пролезать в закрытые параллели с помощью веществ, расширяющих сознание.

¹ В. Пелевин. «Бэтман Аполло»

– Вот уж не думал, что на тех параллелях это имеет значение. – усмехнулся Виктор.

– А как же! Расширение сознания путем употребления химических подсадок – это и есть взлом *Технического этажа*, то есть проникновение в неурочный час и мимо *Главного входа*. – возразила Сэт. – Серьезное нарушение.

– А там и главный вход, оказывается, есть? – поинтересовался Виктор не без сарказма.

– Как в любой институции, – невозмутимо ответила Сэт, – И вход туда строго по расписанию, если вы не *Сотрудник*, конечно.

– А неурочных посетителей – сразу на расстрел?

– Ну какой же расстрел, если вы сидите сейчас передо мной весь такой веселый и остроумный? – парировала Сэт. – Взломщика «принимает» *Программа-охранитель*, срабатывающая автоматически, как беззвучная сигнализация при взламывании банковского хранилища. Но, в отличие от сигнализации, она посылает сообщение не в полицию, а самому колдуну, – придавая ему вид некоего «тайного откровения» или «новых духовных знаний», которые всякий колдун спешит излить на людские головы немедленно после возвращения в бранный мир. Ну вроде такого:

– Итак, что сказать о вашей душе, Иван Григорьевич? Есть известное мнение, что даже в самом дурном человеке можно найти хорошее. Я так долго молчал, потому что искал это хорошее в вас... Увы. Есть только две черты, которые придают вам что-то человеческое, – то, что вы педераст, и то, что вы агент Моссад. Все остальное невыразимо страшно. Настолько страшно, что даже мне, профессиональному вампиру, делается не по себе. А я, поверьте, видел бездны... Если вы хотите самую грязную, самую страшную, самую стыдную и болезненную тайну этой души, извольте... Самая стыдная, темная и мокрая тайна Ивана Григорьевича в том, что доверительное управление, акции и адвокаты – это туфта, и никакого реального бизнеса у него нет... Своей бедности он стыдится сильнее всего... В действительности он живет на взятки, как самый заурядный чиновник.¹

Как вы, надеюсь, понимаете, подобное публичное выворачивание чужих запачканных трусов имеет к постижению человеческой души столь же отдаленное отношение, как изнасилование шестилетнего ребенка – к первому поцелую Ромео и Джульетты...

– Но разве это проблема разоблачителя? – возразил Виктор. – Его ли вина, что человеческие души бывают не только светлыми?

– Да, но и только темными они не бывают, – парировала Сэт, – Они вообще не двуцветны и не двумерны, поэтому *Истинная Сокровенная Тайна Души Ивана Григорьевича* выглядит совсем не так, как вы описали ее устами вечно-юного Рамы. Точнее, не только так. Столь грубые карикатуры на человеческие души поставляет именно *Программа-охранитель*, когда реагирует на несанкционированный вход.

– Хорошо. Тогда что мог бы сказать о душе Ивана Григорьевича ваш хваленый «неперевернутый мистик»? – спросил Виктор.

– Не будем множить сущности без необходимости, – усмехнулась Сэт. – Зачем нам додумывать сокровенные тайны воображаемого Ивана Григорьевича, если можно заглянуть в *Истинную Сокровенную Тайну Души вполне реального Виктора Олеговича?*.. Но не прямо сейчас. В свое время. Обещаю.

– Договорились, – легко согласился Виктор. – Тогда можно про сотрудников «технических параллелей»? А они-то почему к взломщикам не выходят? Брезгуют? Или просто избегают лишней работы?

– Отнюдь. На *Техническом этаже* постоянно бродят толпы посетителей (хотя каждый из которых переживает субъективное одиночество), поэтому еще один гость, пусть и неожиданный, никого не обременит. Да и пообщаться с интересным человеком *Сотрудники* никогда не прочь... Дело в другом. *Программа-охра-*

¹ В. Пелевин. «Empire V»

нитель подделывает не только «откровения», но и образ *Технического этажа* в восприятии взломщика. Можно сказать, что увиденное колдуном похоже на настоящий *Технический этаж* и его *Сотрудников* в той же мере, в какой библиотека имени Ленина и «библиотекари» в романе Дмитрия Глуховского «Метро 2033» соответствуют своим до-апокалиптическим прототипам... Понятно, что в таких условиях ничего хорошего общение с *Сотрудником* взломщику не принесет.

Но это полбеды. Хуже всего то, что регулярные контакты с *Программой-охранителем* запускают процесс духовного переворота самого колдуна, по завершении которого его голова погружается в... — Сэт запнулась, — ...духовный гумус до уровня носогубной впадины. В подобном положении, размышляя даже о высоких материях, колдун обречен ощущать себя в свежей куче «золота Фрейда». Неудивительно, что у него возникает подозрение, вскоре перерастающее в твердую уверенность, что — если его мир пахнет одним говном, — из говна он весь и сделан. Накапливаемые фальшивые прозрения создают у колдуна вполне реальное ощущение превосходства над людьми, этими фальшивками не обремененными. Гордость усиливает давление на голову, и она еще больше погружается в подножный навоз, закрепляя положение перевертыша.

Колдунов можно узнать и по еще одной забавной детали. Постоянно сетуя на ограниченность «человеческого стада», они не замечают, что и сами внутри загона, хотя и чуть хитрее устроенного. Сеткой, ограничивающей ареал колдунов, является идея *души*. Они искренне презирают всё, что идет не от разума или не может быть им постигнуто: от лишь намек на духовное у колдуна начинают ныть зубы¹; движения души или сердца он считает «эмоциональными рефлексами»; сострадание объясняет строго физиологически.²

¹ «Тут я понял, что снова думаю про душу, и у меня испортилось настроение». В. Пелевин. «Empire V»

– Ладно, если суммировать, – перебил Виктор, – Человек принимает наркотики, чтобы открыть дверь в параллель. Но, попав туда, получает, сам того не понимая, фальшивые знания. Вдобавок, в наказание за нелегальное проникновение в невидимые миры, взломщик претерпевает духовный переворот, и его голова до ноздрей погружается в «навоз». В результате он не только видит мир вверх ногами, но этот перевернутый мир еще и воняет для него дерьмом. Так?

– Так, – подтвердила Сэт, – Как вы верно заметили, все колдуны – кидалы, но и самих колдунов в свое время *перекинули*.

– И меня, значит, тоже, как вы уже неоднократно намекнули? – усмехнулся Виктор.

– Да. Я была у вас в гостях, поэтому знаю точно, – ответила Сэт. – Даже плюс-минус год могу назвать. Вы стояли на ногах, хотя уже не так твердо, когда писали «Священную книгу оборотня». А вот роман «Empire V» написан уже в новом для вас, и оттого волнующем, положении, поэтому из него получился восторженный гимн перевертышам, полный едких насмешек в адрес тех, кто остался скучно стоять на ногах:

Если разобраться, не вампиры, а люди висели головой вниз, просто глубина называлась у них высотой...

Люди ищут не там, где надо. Сакральную символику часто следует понимать с точностью до наоборот. Верх – это низ. Пустота – это наполненность. Величайшая карьера на самом деле абсолютное падение, истинный стадион – это пирамида, а высочайшая башня есть глубочайшая пропасть. Вершина Фудзи на самом дне.

Выходит, ваш переворот случился в середине 2000х.

² «Корова считает, что люди – ее дети-уроды. Жуткие. Неудачные. Но все-таки ее родные детки, которых ей надо накормить, поскольку иначе они будут страдать от голода. И поэтому она каждый день жует клевер и старается дать им как можно больше молока...». Там же.

— Но вампиры — это же метафора... — вздохнул Виктор. — Я-то кровь не пью и в мышь не превращаюсь.

— Физически, конечно, нет, — согласилась Сэт, — Но я говорю о *духовном* перевороте, поэтому внешность ваших героев — особенно тех, с которыми вы себя ассоциируете, — весьма красноречива... Вот каким вы были до переворота:

На пороге стоял высокий молодой человек в темном плаще с поднятым воротом. Он был небрит, хмур и очень хорош собой... Немного портила его только надменно-гневная складка у губ. Она, однако, не вызывала к нему неприязни, а как бы устанавливала дистанцию... Меня поразило выражение его лица... Как если б человек много лет жил с зубной болью и привык не обращать на нее внимания, хоть боль мучила его каждый день... Самое же главное, мне показалось, что это лицо из прошлого. Похожих лиц было много вокруг в давние времена, когда люди верили в любовь и Бога, а потом такой тип почти исчез... Его дыхание было горячим, но свежим, как у младенца.¹

Понятно, что даже оборотень из такого получится симпатичный.

А потом вы рухнули головой вниз — и тут же отчаянно загламурились, замолодились:

Это был молодой человек лет около двадцати. Хоть он тоже был во всем черном, по виду он отличался от остальных. Трудно было даже сказать, что на нем — то ли странный комбинезон с капюшоном, то ли плотно обтягивающие тело штаны и куртка. Приглядевшись, можно было заметить в мочке его уха маленький бриллиант. Его кожа была бледной, будто ее намазали белилами. А поднятые гелем волосы — возможно, по контрасту — казались слишком уж темными, словно их выкрасили радикальной черной краской. Пожалуй, он походил на новую модификацию эмо-хипстера, слишком еще свежую, чтобы у нее успело появиться свое отдельное название в культуре. Но что-то в его глазах заставляло поежиться — и понять, что это просто маскировка.²

¹ Описание Александра из романа В. Пелевина «Священная книга оборотня».

² В. Пелевин. «Бэтман Аполло»

И оборачивается этот эмо-хипстер уже не в «благородного и страшного зверя», а вот в такое:

Я повернулся к зеркалу, уже догадываясь, что увижу. Мое лицо стало морщинистой мордой — невообразимой поместью свиньи и бульдога, с раздвоенной нижней губой и носом, похожим на сложенное гармошкой рыло. У меня были огромные конические уши со множеством сложных перегородок внутри и низкий лоб, заросший черной шерстью. Над моей головой высился длинный рог, круто загибающийся назад. Я был низкого роста, с бочкообразным мохнатым торсом и маленькими кривыми ногами. Но самым жутким были глаза — маленькие, хитрые, безжалостные и цинично-умные, как у милиционера с Москворецкого рынка... Если совсем честно, я сильно напоминал черта. Когда эта мысль пришла мне в голову, я подумал, что все-таки не стал еще чертом до конца, поскольку мне не нравится происходящее. И понял, что это ничего не значит — возможно, чертям тоже не нравится быть чертями... Больше всего летящий вампир напоминал заросшую черным мехом свинью с перепончатыми крыльями. Они не росли из спины, как рисуют в церквях у чертей или ангелов, а были натянuty между передними и задними лапами. Возле тела их покрывала короткая черная шерсть. Передние лапы были длинными, и их огромные пальцы, растопыренные в безмерно наглый веер, были соединены черными кожистыми перепонками, образующими большую часть крыла.¹

В этом описании — предчувствие той ломки, которой кончается «приход» каждого перевертыша-новобранца... Но, если честно, говорить о технике переворота и ощущениях после его завершения мне не очень интересно. Важно ведь не это, а как перевернуться обратно.

На этих словах Сэт замолчала. Выждав немного, Виктор спросил:

— И как же это сделать?

— Спасибо за вопрос, — ответила Сэт так торжественно, как будто в переспрашивании Виктора содержался особый смысл, —

¹ В. Пелевин. «Empire V»

Я начну отвечать на него как будто издалека, но вы скоро поймете, что именно так и надо...

Отдаете ли вы себе отчет, Виктор, что сосредоточенное внимание к техникам просветления и перехода в иные параллели подразумевает, что время, отведенное на жизнь среди людей, совсем не ценно? Когда все помыслы и поиски устремлены к предстоящему (или недавнему) перерождению, текущая человеческая жизнь неизбежно представляется неуютным фойе, где приходится прозябать между сеансами искрометных лимбо-фильмов. Эта самое глубокое и опасное заблуждение, принесенное в человеческий мир колдунами раннего христианства, а потом получившее новое дыхание в эпоху массовых «трипов» 1960х годов.

Нет ничего бессмысленней, чем лазить в лимбо, пока живешь среди людей. И вообще о нем думать. В лимбо человек попадет в любом случае, хочет он того или нет, и независимо от количества техник перехода, которые он усвоил. Важно будет другое — с каким духовным багажом он там окажется, каков будет его *запас силы*, если говорить в терминах компьютерных игр. Только если этот запас достаточный и качественный, у души появляется шанс на *Выход*. Ирония в том, что силу эту можно набрать только в человеческой жизни — ради этого она, собственно, и дается.

— Силу чего? — спросил Виктор.

— Любви.

— Какая банальность... — скривился Виктор.

— Ну да, — прошептала Сэт, — Что поделаешь... Но размышлять о духовном без любви к человеческому — как писать прекрасные стихи на грязной бумаге. В тех краях, куда вы неустанно посылаете эти письма, грязные конверты просто не вскрывают...

— Значит, выхода нет... — заметил Виктор сухо.

— По замыслу, у каждого человека есть два генератора энергии, — продолжала Сэт, будто не услышав его последней реплики, — Однажды я видела *Сон*, где я и человек, которого связывала со мной любовь, были двумя живыми роботами, спасаю-

щимися от *Тьмы*. И чтобы *Тьма* не увидела нас и не съела, нужно было полностью отключить питание — можно сказать, умереть. Но даже когда все лампочки на наших приборах погасли, я почувствовала тот самый второй генератор, который дал мне силы запустить нас обоих заново, как только *Тьма* скрылась. А у вас работает только один из них — и он весьма перегрет. От этого все ваши муки.

— А можно поточнее — что за два генератора?

— О первом вы знаете даже слишком хорошо — это мозг.¹ А второй — та самая душа, или сердце, как вам понятней. У нее нет ни сигнальной системы, ни абстракций, а есть только два чувства — страх и любовь. И поскольку эти чувства настоящие, то есть порожденные сердцем, а не умом, для их описания обычно нет хороших слов. Даже картинки описывают их слабо...

— А остальные чувства откуда? — спросил Виктор.

— От ума: гордость, ярость, отчаянье, предвкушение. И куча других.

— Значит, вы считаете, у меня работает только ум, а надо, чтобы и сердце тоже. Как переключиться с одного на другое?

— Что касается ума, выключить его невозможно, особенно если делать это с помощью самого ума. Ведь каждый раз приходится использовать всё больше и больше слов, которые ум генерирует, чтобы рассказать, как себя же и выключить. Об этом вы написали целую повесть «Шлем ужаса», где сами сказали, что «с умом вообще ничего не надо делать», потому что «истина такова, что из нашего отравленного словами мозга ее нельзя увидеть вообще». Это правильно: истину можно увидеть только из сердца, потому что там любовь и страх. Это как ловушки

¹ «Под жизненной силой я подразумеваю психическую энергию определенного диапазона. Ее генератором является мозг, оснащенный второй сигнальной системой — то есть языком, на основе которого возникает абстрактное мышление». В. Пелевин. «Бэтман Аполло»

в спальне графа Дракулы, которые вы описали в романе «Бэтман Аполло»: на самом важном этапе именно акт любви пресекает словесный поток, генерируемый умом: «...Но светлый луч любви в твоём сердце спасет нас обоих, я это знаю... Довольно же слов...». Так что самый большой подарок, который один человек может сделать другому — это дать ему знание любви, которая одна суть ключ к освобождению. Каждый из нас бредет по пустыне, чье великое пространство поглощает любой одинокий голос без остатка. Человек, способный вызвать нашу любовь, — как гора, встающая посреди пустыни, в чьем ущелье рождается первое эхо... Поэтому полюбить другого — действительно высшее небесное ободрение, которое только можно получить в земной жизни.

Вы сказали свои лучшие слова о любви до переворота, когда еще надеялись на такую встречу:

У истинной любви нет ни субъекта, ни объекта... Она ближе к смешному, чем к серьезному — но это не значит, что от нее можно отмахнуться. Она не походит на опьянение... — но еще меньше напоминает трезвость... Я вижу все жуткие стороны [моего любимого], но они, как ни странно, лишь прибавляют ему очарования в моих глазах... В любви начисто отсутствует смысл. Но зато она придает смысл всему остальному. Она делает мое сердце легким и пустым, как воздушный шар. Я не понимаю, что со мной происходит. Но не потому, что полупела — просто в происходящем нечего понимать.¹

А любовь всё не приходила — точнее, вы не встречали человека, к которому могли бы ее испытать. Небеса оставались холодны и скупы, и по их примеру ваше сердце ожесточилось:

Она исчезла. Но это было не так, как если бы она вдруг растворилась в воздухе. Все случилось иначе, гораздо безнадежнее. Это было как мгновенно наступившая за опьянением трезвость. Я попросту понял, что передо мной ничего нет. И, возможно, не было с самого начала. Единственной реальностью были непристойные следы, оставленные мной на диване. Я подобрал с пола флакон-сердце

¹ В. Пелевин. «Священная книга оборотня»

и изо всех сил швырнул его в стену. Он разбился — и я тут же обругал себя, потому что теперь у меня не осталось вообще ничего на память о нашей фальшивой встрече...¹

Но мысль о любви не оставляет вас. Только теперь вы высмеиваете ее, низводя до «стыковки известных частей тела». Но разве люди виноваты в том, что для физического соединения у них есть лишь эти части? Понятно, что некоторых слабых духом это сбивает с толку, но вы-то понимаете (сами об этом писали в «Чапаев и пустота»): оттого, что кому-то нравится «красивое и одухотворенное лицо девушки», он вовсе не обязан «е*ать ее мокрую волосатую п*зду» (а девушка — добавлю я — принимать в себя чей-то влажный пахучий х*й). Так что раздражает вас в любви только то, что вы до сих пор ее не испытали. И не испытаете, если не перевернетесь обратно. О техниках обратного переворота я не хочу даже начинать думать, потому что делать это возможно только умом. А тут нужно *вспомнить*...

— Вспомнить что? — спросил Виктор.

— Вспомнить то время, когда люди обладали для вас душой и были достойны вашего милосердия, — ответила Сэт спокойно. — К расчеловечиванию людей вас тянуло всегда: то они мухи и жуки, которых можно изучать на булавке или походя давить ногами; то свиньи, петухи и жабы; самые продвинутые — волки, лисы и летучие мыши. Но всё равно животные, а не люди. Возможно, это и предопределило маршрут, по которому в конце концов пошла ваша духовная личность...

— Допустим, — буркнул Виктор, — А как вернуться обратно?

— Я же говорю: *вспомнить*, — добродушно напомнила Сэт, — *Вспомнить, каким вы были, когда пропала Ника*. Ключ именно в том рассказе, где о жизни и смерти кошки говорится, как о человеческих. Вспомните то чувство и перенесите его на насекомых и свиней из остальных ваших произведений, чтобы они

¹ В. Пелевин. «Бэтман Аполло»

снова обратились в людей. Как видите, мое единственное учение тоже очень простое и краткое!